

Юрий Норштейн

Кавалер
ордена искусств
и литературы

По Москве прошел слух, что режиссер Юрий Норштейн, чьи мультфильмы давно стали отечественной и мировой классикой, а «Сказка сказок» вообще признана «лучшим фильмом всех времен и народов», по случаю приезда французских кинематографистов был приглашен на прием в посольство Франции, где ему был вручен орден. В ответ он якобы произнес не совсем отвечающую торжественной церемонии речь, обращенную к «корреспондентам мира», из которых присутствовал лишь сотрудник «Либерасьон». Прокомментировать это событие по просьбе «МН» режиссер отказался, добавив, что уже «говорил много, а ничего не меняется». Редакция не отступилась. Узнав новый адрес студии Норштейна (благодаря фонду Ролана Быкова она наконец обрела крышу), незванный корреспондент явился туда и застал кинорежиссера в момент, может быть, исторический: одетый по-домашнему, взъерошенный и босой, Норштейн сочинял письмо г-ну Жаку Лангу, министру культуры Франции. Журналиста угостил чаем, показал изящный орден и бумагу к нему, удостоверяющую, что ее обладатель — Кавалер ордена искусств и литературы. И даже оторвался от письма, чтобы ответить на вопросы.

(Читайте стр. В4).

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ

— Вы — орденосносец. Для вас это неожиданность?
— Да нет. Я об этом знал еще два года назад. Указ подписан в 1991 году. А церемония в посольстве — просто «награда нашла героя».

— Что подвигло французское правительство на такой неординарный поступок? У вас с французами особые отношения?
— Считается, что у меня с ними сотрудничество. Все началось в 1989 году, когда министр культуры приехал на международный фестиваль анимационного кино в Анси.

— Наш министр?
— Ну что вы, наш! Меня удивило, что французский-то министр прибыл посмотреть мультипликацию. К тому времени мне над «Шинелью» уже работать было негде...

— Но говорили, что вам передают под студию первый этаж отреставрированного дома-музея Андрея Тарковского.
— Там одни развалины. Если раньше у нас с благоговением относились к покойникам, сейчас и их разлюбили. Чтобы восстановить дом, нужны колоссальные средства, которых у Союза кинематографистов нет.

— Так что французский министр?
— Жак Ланг предложил участие французской стороны в дальнейшей работе над «Шинелью». Казалось бы, благородно. Был заключен контракт на поставку оборудования, определен финансовый вклад Франции. Но вдруг из него таинственно исчезли 600 тысяч франков. Куда они делись, ни продюсер, ни его патроны с 7-го канала французского ТВ нам не объяснили. И лишь на четвертое или пятое письмо продюсер ответил: сумма на приобретение нужных для фильма материалов сокращена. Но тут же пошел просить дополнительные средства у 7-го канала, ссылался на их нехватку. Вы можете объяснить эту математику?

— Может быть, какой-то особый французский расчет?
— Не знаю. Существует французская борьба, но французская математика для меня нечто новое! Наш фильм для продюсера занятие принудительное, он в нем не заинтересован и уже подсчитывает, какие убытки принесет «Шинель». Но это бесполезно, никто ничего предсказать не может. Хотя, если судить по моим предыдущим фильмам, они себя окупили. Но, очевидно, для французов они и культурное явление, если г-н Ланг предложил помощь государства, а не частной компании.

— Об этом вы и говорили в посольстве?
— Да. И французские кинематографисты со мной согласились. У них те же проблемы.

— Почему вы так отчаянно преданы мультипликации?
— Конечно, можно было заниматься более доходным и менее нервным делом. Но важно не почему я занимаюсь анимационным кино, а то, что я в нем для себя увидел.

— И что же открыл в нем взрослый человек?
— И вы из тех, кто считает это детским развлечением. Я понимаю: слово такое детское.

Юрий Норштейн

Кавалер
ордена
искусств
и литературы

Моя работа. 1993.

— Кроме меня и дочери, никто в моей семье мультипликацию не любит.
— Ну и правильно. Она того заслуживает: еще не показала всего, на что способна.

— У нас в стране?
— В мире. У нас-то мультипликация очень высокого класса. Исключая последние лет пять-шесть.

— И даже та, что в духе соцреализма?
— И в «соцреализме» нужно было работать профессионально. Думаю, если показать сегодня многие из старых картин, критики удивятся, насколько они хороши.

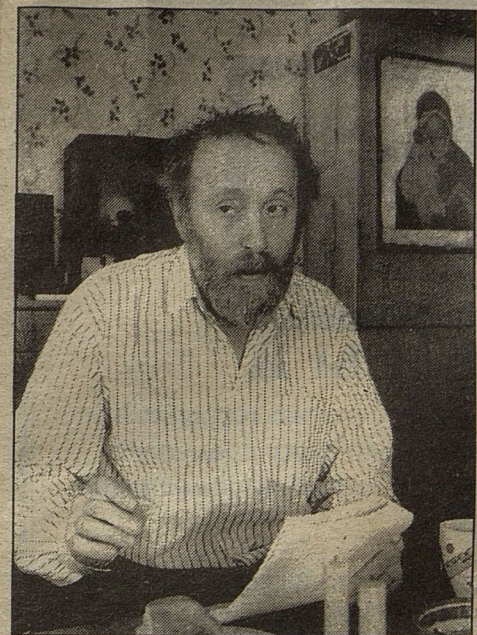
Мультипликация — всего лишь средство сказать о том же, о чем говорят в других жанрах. Более того, она вбирает в себя многие слои культуры, существующих столетия. Обычно мультипликацию связывают с гротеском, карикатурой. А в ней очень много, например, от изобразительного искусства. К сожалению, за основу основ приняли продукцию Диснея. Но совсем необязательно исповедовать только одну религию. Мультипликации подвластна классика — Свифт, Рабле, безусловно Гоголь, Достоевский. Один из моих бывших учеников сделал по классике уже второй фильм: «Сон смешного человека» по Достоевскому. А первая его работа — по рассказу Платонова «Корова».

— Где их можно увидеть?
— Нигде. Это же никому не нужно. По ТВ и в кинотеатрах нас кормят большой ложкой дряни. Доступ к настоящим вещам перекрыт.

— В каком состоянии ваша многострадальная лента об Акакии Акакиевиче?
— Шесть лет назад мы сняли несколько метров минут на двадцать и все.

— Ваш герой за это время сильно изменился?
— Он изменится ровно настолько, насколько изменюсь я сам.

— А в какой мере перемены коснулись вас?
— Сейчас я преисполнен удивления или сочувствия, а то и непонимания, когда наблюдаю за озабоченными лоснящимися лицами наших «деловых» людей, готовых

14 марта (21) - с В.Ч.

хватать все подряд. Такое впечатление, что они проживают чужую жизнь, не осознавая этого. Для них важно ухватить царскую папку, а вот уж второе поколение, полагают они, будет царствовать по праву. Их денежные накопления растут такими гангстерскими темпами, что поверить в их правдоподобность невозможно.

— Вы не рассчитываете на их благотворительность?
— Почему же? Бывают сумасшедшие. Например, генеральный директор СП «Международный коммерческий союз» Виктор Тинаев. Он действительно щеделат. Когда-то ему понравились мои фильмы, он сам разыскал меня и совершенно бескорыстно готов был помогать, не вмешиваясь, не требуя отчетов и не ожидая каких-то дивидендов немедленно.

Я не собираюсь делать свои фильмы, подстраиваясь под новые времена. В искусстве новых времен не бывает. Я счастлив, что занимаюсь «Шинелью» и ничем другим. Мне кажется, если я переступлю через это кино, что-то во мне оборвется. Это все равно, что растить дерево с вырванной частью ствола!

— Что означает для вас «Шинель»? Вечная классика?
— Мы же не говорим, что Библия — классика. Просто она существует, как сама природа. То же и «Шинель». Она как бы создана природой, но в лице Гоголя. Эта повесть совершенно спокойно могла бы быть одной из глав Библии. Тем более что Гоголь писал ее, основываясь на реминисценциях из Житий святых. Я не хотел бы в фильме решать какие-то проблемы. Искусство этим не занимается. Оно может только ставить вопросы. Его дело настроить душу на переживания другого человека. И не больше! А что это будет: музыка, живопись, литература или рассказ безграмотной старухи, по масштабу и содержанию равный высшим проявлениям творчества, — неважно. Настрой души измеряется не количеством усвоенного, а его качеством.

Мне хочется знать, что и как произошло с

Башмачкиным, я хочу видеть подробности, которых нет у Гоголя. Когда Пазолини ставил «Евангелие от Матфея», он вынужден был добавлять детали, которых не было в Новом Завете. Почти невозможно добиться, чтобы слово было идеально адекватно изображению. Это разные стихии.

— Когда же вы наконец продолжите съемки?
— Сейчас идут доработки. Надо разобратся с французами. Хотя мы можем нормально работать и без их помощи. Ну, будет у меня рваться пленка на монтажном столе. У всех рвется, все через это прошло, никто не жалуется. Ну, чертыхнутся лишний раз.

Парадокс в том, что чем легче условия для съемки, тем хуже получается кино. Это в природе творчества. Современная аппаратура сама снимает, режиссер может спокойно уйти обедать. Дайте жваые рельсы, гяжелую, неповоротливую камеру, тогда он начнет думать.

— Боюсь спрашивать, сколько времени вам понадобится, чтобы закончить «Шинель».

— Вы упадете со стула. Минимум четыре года. А контракт с французами рассчитан на пять лет. Конечно, все было бы по-другому, если бы в свое время на студии «Союзмультфильм» с пониманием отнеслись к тому, что я у них просил и даже требовал.

— Ваше изгнание оправдывали тем, что в павильоне нуждались другие группы?
— Конечно. Но была и зависть. В павильон, который мы оборудовали, стремились многие. Другая группа совершенно спокойно заняла его и сделала свой средний фильм. Думаете, были угрызения совести, попытка извиниться? Ни в коем случае.

И если «враги человеку домашние его», враги кинематографисту — его коллеги. Именно они, «братья по кинематографу», и конкретно Эмиль Брагинский не позволили сделать в первом этаже своего жилого дома студию. Мотивы? Говорили что-то насчет фундамента, шума во время съемок. Наверное, наша работа помешала бы взращиванию в доме новых дарований.

— А если бы вас попросили вернуться на студию?
— Куда? Ее нет. Есть «вшивый рынок», как писал Пушкин. Каждый хочет найти в ней свое, отталкивая другого. Нет понимания мультипликации как культуры, о чем я постоянно говорил своим студентам на курсах. И, кажется, безуспешно. На студии идет смена поколений.

— Допустим, несмотря на все ваши усилия, «Шинель» закончить не удастся. Что тогда?
— Если начинать новый фильм, то на японском материале. В этом случае воспользуюсь давним предложением одной телевизионной компании и уеду в Японию.

— И вы спокойно это говорите?
— Я нормальный человек с болезнями и пороками, присущими всем живущим. Со всеми страхами, безразличным отношением к мерзостям, со всем сочувствием к человеку, к своим детям, внуку, жене. Имею я право на нормальную работу?

Татьяна АНДРИАСОВА